

пріємъ составленія бібліографії, который больше всего отвѣчаетъ этой цѣли. Но въ процессѣ изученія писателя можно намѣтить нѣсколько періодовъ, которые идутъ въ направленіи детализаціи работы. Все меньше изслѣдованій, посвященныхъ Толстому во всемъ его объемѣ, все больше и больше спеціальныхъ вопросовъ, съ которыми подходитъ къ Толстому. Естественно поэтому, что и бібліографу приходится считаться со спеціализаціей въ изученіи творчества, и онъ долженъ такъ строить свою работу, чтобы изслѣдователь того или иного вопроса легко могъ подыскать подходящую литературу. Было-бы анахронизмомъ давать теперь бібліографію Толстого, не систематизированную по тѣмъ или инымъ вопросамъ. Вопросъ систематизаціи—вопросъ очень сложный и разрѣшить его во всей его сложности не входитъ въ нашу задачу. Намъ хотѣлось бы только выдвинуть нѣсколько положеній, вытекающихъ изъ понятія бібліографії, какъ подсобной дисциплины, а поэтому всегда зависимой отъ состоянія той суммы наукъ, которой она служить.

Можно-ли утверждать, что должна быть выработана разъ навсегда одна общая схема въ распредѣленіи матеріала? На нашъ взглядъ нѣтъ, и вотъ почему.

Мѣняются методы изслѣдованія творчества, въ процессѣ этихъ смѣнъ нарастаютъ новые вопросы, и бібліографъ всегда обязанъ считаться съ этимъ, всегда долженъ ити въ шагъ съ изслѣдователемъ. Сегодня достаточно дать просто сводку работъ о Толстомъ, завтра уже этимъ не ограничишься. А въ настоящее время трудно даже представить себѣ всю сложность систематизаціи, которая стоитъ передъ бібліографомъ. Отсюда прямой выводъ—*для каждой индивидуальной бібліографіи должна быть принятая своя система*, зависящая въ конечномъ счетѣ отъ творческой личности избраннаго писателя и отъ ступени, на которой находится изслѣдованіе его въ тотъ или иной моментъ. Если это такъ, если придется отказаться отъ общеобязательной схемы въ распредѣленіи матеріала, если она въ каждомъ единичномъ случаѣ въ деталяхъ измѣняется, то неизбѣжень субъективный характеръ всякой индивидуальной бібліографіи. Прежде всего бібліографъ не можетъ быть просто регистрирующей машиной, а долженъ стоять на уровнѣ современнаго ему пониманія и изученія творчества писателя. Онъ не долженъ быть чуждъ всѣмъ основнымъ теченіямъ въ изученіи его жизни и творчества, онъ не можетъ упустить, какія спеціальная отвѣтвлена даетъ изученіе этого творчества. Но вѣдь степень знанія и, главное, степень пониманія всегда субъективны, поэтому неизбѣжна субъективность и въ процессѣ бібліографической работы при распредѣленіи матеріала.